

АРКАДИЙ ГАЙДАР

БРИГАДИР
ТОВАРИЩ
ВОЛКОВ

Аркадий Петрович Гайдар

Бригадир товарищ Волков

Аннотация

«Вскинув на плечо увесистый молот, выпятив колесом похожую на паровой котел грудь, шагает по дороге здоровый дядя.

Куда он, собственно, шагает, это никому, в том числе и художнику, не известно...»

Содержание

1	4
2	7
3	9
4	11

Аркадий Гайдар

Бригадир товарищ Волков

1

Вскинув на плечо увесистый молот, выпятив колесом похожую на паровой котел грудь, шагает по дороге здоровый дядя.

Куда он, собственно, шагает, это никому, в том числе и художнику, не известно.

Если он идет на завод, то непонятно, почему, вместо того чтобы получить молот в инструментальной, человек тащит его из дому. Если же он идет с работы домой, то непонятно, как пропустили его через проходную будку, так как всем известно, что уносить казенные инструменты строго воспрещается.

Под этой картиной подпись, из которой мы узнаем, что это ударник.

Но тот человек, о котором эти строки, не был похож ни на одного из таких шагающих в неизвестном направлении железобетонных манекенов.

Голова его неожиданно высунулась откуда-то снизу, из пролета меж досок и балок, опутавших постройку электростанции.

Он поднялся на локтях и, уверенно ступая по зыбкой узенькой пастике, подошел к арматурщикам.

– Слушайте, – добродушно сказал он скороговоркой, – вы что-то слишком долго копаетесь. Слушайте, вам пора бы уже кончать...

Бригадир заглянул внутрь квадратной колонки, из которой торчали рыжие холодные прутья изогнутого железа, и посмотрел в записную книжку.

– Волков, – окликнули его снизу, – железо вышло. Где теперь работать?..

– Ты с кем работал? С Кобыкиным? Ну, иди помогать Ушакову, а Кобыкину скажи – пусть он идет на установку подушек.

– Сейчас отметишь? – спросил все тот же голос.

– Ладно... иди! Иди! Спускаюсь вниз, тогда и отмечу. Опять нет железа, – нахмурился бригадир. – Надо узнать, на какую работу будут перекидывать.

– Землю копать или бочки ворочать?..

– Ну, и что же, опять копать и опять ворочать, – ответил бригадир.

И так же быстро, как и появился, ступая с уступа на уступ, он соскочил вниз и исчез среди бетонщиков, арматурщиков и землекопов, сновавших внизу постройки.

Внизу он натолкнулся на табельщика.

– Все на работе? – спросил табельщик, доставая замусоленный, разграфленный на квадраты листок.

– Нет, не все. Пятаков не вышел. Кто его знает! Говорит, что болен, но я что-то сомневаюсь. В прошлый раз обманул и напился. Ты все-таки ему прогул не ставь, я попозже узнаю, а завтра скажу.

– Смотри скажи! – крикнул вдогонку табельщик.

– Нет, думаешь, покрывать буду, – откликнулся бригадир. – Так-таки ничего и не скажу...

Под навесом, где несколько человек гнули вручную железо, бригадир задержался.

– Опять нет? – спросили у него сразу несколько голосов.

– Есть, да не то. Надо 25, а есть 20. Ну-ка, вот вы, двое, идите на постройку. А Щербаков где?

– Щербаков к тебе пошел.

– Давно?

– Нет, только сейчас пошел.

– Что же это я с ним не встретился?

Двое – те, которых он посылает на постройку, протягивают листки бумаги. Бригадир отмечает: такой-то на работу туда-то.

– Готово, – говорит он, возвращая листки, и спрашивает: – Пятакова видели?.. Ну, и что же... не пьян?

– Говорит, что живот болит.

– Вот беда какая. То с похмелья, то живот. И что за напасть на этого человека!

2

Ему 23 года. В его бригаде 4 звена – 20 человек. Он – бригадир арматурщиков. Когда не присылают железа, он сердится. Но и тогда, когда сердится, он не сидит без дела, а умеет разыскать и использовать старое, из завали.

Когда же нет ничего старого, он сам идет на Пристань-Ветку и, к величайшему удивлению безнадежно охающих нытиков, умеет иногда найти необходимое железо.

Когда ничего нет ни в завали, ни на ветке, его бригада перебрасывается на расчистку, на прокладку железной дороги, на разборку цементных бочек – она идет на любую работу.

Так же как в бою – где каждый сапер, каждый обозник гордится не тогда, когда закончена наводка моста, когда подвезены боевые припасы, а тогда, когда в результате всех этих усилий выигран весь бой, – так и здесь не холодные каркасы, не все эти хитроумные, но мертвые сетки, железные колонки, плетеные подушки, а первое гудение машины, первый рывок электрического тока – вот она, конечная цель всей ударной работы на ХЭС.

Нагибая голову, бригадир пробирается меж покрытых опалубкой колонок, тех, на которые должен лечь фундамент для четырех котлов. По пути он поднимает короткую тяжелую железину, ударяет ею о доски опалубки и слышит звук, глухой, как от падения чурбана на сырой песок.

И вдруг бригадир настораживается. Доска звучит гулко, как крышка пустого ящика.

– Опять, – говорит бригадир, и губы его сжимаются.

Пусть арматурщики работали хорошо, пусть колонки крепко связаны из 19-миллиметрового железа, пусть затянуты они сетью надежной проволоки, но бетонщики плохо сделали свою работу.

Он слышит по звуку, что под опалубкой спрятаны большие раковины, большие и настоящие пустоты. Так и есть – не утрамбовали. Снимут опалубку, а бетон повиснет на прутьях – вот тебе и фундамент.

Отброшенная железина лязгает о камни. Бригадир по уступам и по перекладинам лезет наверх.

– На бюро ячейки... – бормочет он, вытаскивая записную книжку. – Раз ставил и еще раз поставлю.

Наверху из-за Амура ревет ветер. Он свистит сквозь переплеты постройки и ворочает у берегов тяжелые изломанные льдины.

– Лед пройдет – рыбу ловить будем, – говорит бригадир. – Снасти купили в складчину. Наши ребята беда какие рыболовы.

Снизу кто-то кричит:

– Теперь куда?

– Сейчас найдем, – отвечает бригадир. – Иди пока сюда. Пусть они наращивают, ты подавать будешь. А я на минутку в контору, ругаться пойду.

3

А как не ругаться? Это только в стихах получается так, что раз ударник, то он обязательно «бьет молотом» да шагает «железным шагом», а такие вопросы, как, например, обед в столовой, барак, правильный учет и своевременная выдача зарплаты, – это его, ударника, будто бы совершенно не интересует и не задевает.

– Черт его знает! – говорит бригадир. – Вот уже конец месяца, а контора никак не подсчитает, сколько же мы заработали. Ребята очень недовольны. Ну, просто ругаются. И они ругаются, и я ругаюсь. А знаешь что? Было раньше человек 10 арматурщиков. Срывали они по 30 целковых в сутки. Не дадите 30 – не будем работать. Что же делать? Приходилось давать. Но как встала наша бригада, так их словно ветром сдуло. Четырех из них мы к себе в бригаду взяли. Думали, переработаем. Двое еще так-сяк, поддаются, а двое никак. Например, Пятаков. Ему и говорили, ему и выговор давали, – ничего не помогает... И что это у него вдруг живот заболел?

– Взял бы да и отослал из бригады.

– Чудак человек, – усмехается бригадир, – Значит, нельзя было. Ребята всё молодые, некоторые 10 миллиметров от 20 отличить не могли, а он все-таки квалифицированный. Ну, а теперь получились. Есть уже такие, что в чертежах мало-по-

малу разбираются. Теперь и не жалко. Скатертью дорога.

4

– Так что же, – говорит Волков, входя в контору. – Мы кончили. Давайте какую-нибудь работу.

– Работу, – не отрываясь от стола, говорит техник. – Работы мало ли.

– Куда пойдём? Можно, по-моему, землю на третьем котле выбирать.

– Что землю! – уныло отвечает техник. – Её сегодня выберешь, а завтра опять наташат.

– Чудно, право! Сегодня выберешь – завтра легче будет.

Часы тикают, в комнате тихо. Время показывает 10 минут пятого.

– Ну что же, идти на третий? – переспрашивает бригадир.

– На третий?.. Почему на третий! Нет у меня для вас сегодня никакой работы, – равнодушно и неожиданно доканчивает техник. – Завтра что-нибудь придумаем.

– Когда завтра? Опять, как в прошлый раз. А что я с утра буду делать?

– Придумаем, – отвечает техник. – Подумаем и придумаем. – Он поворачивает голову на часы и добавляет: – Да сейчас и времени много. До конца меньше часа. Скоро шабашить. Какая еще тебе работа.

– Двадцать человек! – неожиданно зло и холодно говорит бригадир. – Двадцать человек за пятьдесят минут...

Ему не нужно доканчивать. Если к нему присмотреться, то он вовсе не такой уже маленький. Если к его словам прислушаться, то он вовсе не такой улыбающийся и мягкий.

Не такой уже маленький, не такой уже добрый и не такой уже тихий – этот бригадир, который упорно плетет железные каркасы для растущих новостроек.

Ему не нужно доканчивать, и технику не стоит дослушивать. Все понятно!

И, получив наряд, бригадир распахивает дощатую дверь.

Свежий ветер, тот самый, который злится в попытках сдвинуть громады упрямого льда, хлещет в лицо.

Бригадир идет против ветра. Он шагает без молота, без выпяченной колесом груди, он идет, чуть наклонив голову и придерживая рукой фуражку.

Он останавливается на краю, там, где упрямые землекопы бьют кирками мерзлую ярко-красную глину, и кричит что-то своим ребятам.

Ветер относит его слова. Он улыбается и машет рукой.

Тогда, захватывая инструменты и на ходу закуривая, арматурщики один за другим направляются за своим бригадиром.

Газета «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск).

9 мая 1932 года